

Драко

Настанет день

Твой мир, колдунами,
На тысячи лет,
Укрыт,
От меня
И от света,
И думаешь ты,
Что прекраснее нет
Чем лес,
Заколдованный этот...

(В. Высоцкий)

Глава 1

– Как он? – с порога спросила Галя. Тусклый осенний день клонился к вечеру, погода стояла пасмурная, света в прихожую сквозь узкие окна попадало недостаточно. В полумраке цветы одуванчика, вплетенные в Галину гриву, казались желтыми звездочками, перепонку ее крыльев пятнала разноцветная пыльца.

– Ты пахнешь весной, – тихо сказал Ветер.

Галя озадаченно встопорщила гребень.

– Чего? – приспустив крыло, она с недоумением покосилась на яркие пятна. – А! Фхррр! – Галя взъерошила разом все чешуйки и, обратившись на миг сизым колючим шаром, энергично отряхнулась. – Я из оранжереи. Набрала целебных трав, вот! – она сунула другу под нос мешочек, разивший тысячей ароматов. – Как он? Пришел в себя?

Ветер опустил голову.

– Он умирает, – выдавил с огромным трудом.

Галя отпрянула.

– Точно? – спросила, запнувшись.

Ветер отвел взгляд. Девушка гневно фыркнула и, решительно, отодвинула друга крылом, протиснувшись в логово. Ветер последовал за нею не сразу.

Подняв голову, он еще некоторое время стоял на пороге. Хмурое вечернее небо обесцветило мир, море казалось плоским. Далеко на севере, вспышки молний озаряли изломанные склоны Запретных гор, грома пока слышно не было.

Бури год от года налетали все чаще, морозы крепчали, зимние сияния уже, изредка, полыхали и днем. Ветру внезапно подумалось, что он не помнит, когда в последний раз танцевал среди грозowych туч. Проносясь меж молниями, крича от восторга, глотая всем телом их дикую, первобытную мощь... А ведь прошло всего пять лет...

Стиснув зубы, Ветер отвернулся от бесцветного пейзажа и закрыл дверь. На душе сразу стало теплее. Он молча прошел к лестнице, поднялся на второй этаж, где в самой светлой комнате лежал незнакомец. Там, несмотря на ярко пылавшие под потолком эфирные диски, темным казался сам воздух. Тяжкий, тошнотворно–сладковатый запах крови до сих пор не выветрился, хотя окна держали открытыми.

– И долго ты будешь молчать? – резко спросила Галя, нависнув над ложем больного. Ветер с горечью прищурил глаза; подруга могла бы обмануть кого угодно, но он слишком хорошо видел, как она нервничает. Кончик Галиного хвоста подергивался из стороны в сторону, бока часто– часто вздымались.

Незнакомец не двигался. Его единственный уцелевший глаз смотрел прямо

сквозь потолок, куда– то в смурное небо, как и пять дней назад, когда осенний шторм выбросил на берег изломанное черное тело.

– Ты должен бороться, – слегка дрогнувшим голосом приказала Галя. – Слышишь? Не смей сдаваться. Не смей! – она всхлипнула, но быстро взяла себя в крылья и, упрямо, прижала гребень. – Вот, я принесла целебной травы... – девушка вынула щепотку ароматной пыльцы и, нежно, посыпала незнакомцу нос. Желтовато–белая пыль бесшумно легла на черную, матово– блестящую чешую и, внезапно, близость смерти с такой резкостью рванулась в глаза, что Ветер стиснул зубы, а Галя отпрянула. Ее хвост теперь дрожал куда заметнее.

– Оставь, – тихо сказал Ветер. – Он принял решение, ты же видишь.

– В ослиную задницу такие решения!!! – рассвирепевшая Галя приспустила оба крыла и даже присела, вцепившись когтями в ковер. – Ветерок, милый, ты должен помочь. Должен!

– Мы сделали все, что могли, – Ветер угрюмо покачал головой. – Прости, Галь. Я понимаю, ты нашла его и теперь переживаешь, но твоей вины нет ни в чем. Он... – Ветер сглотнул. – Как объяснить... Я чувствую, понимаешь, Галя? Будто огонь, что поддерживал в нем жизнь, гаснет сам по себе.

Девушка рывком обернулась к другу, ее хвост хлестал по сторонам, ноздри раздувались.

– Зачем же он страдал все эти дни? – яростно, вполголоса спросила Галя. – Зачем боролся со штормом? Не легче было просто пойти ко дну?

Ветер со вздохом развел крыльями.

– Я не знаю, Галь. Не знаю.

– Ты старший в стае.

– Это делает меня волшебником?

– Это наделяет ответственностью.

– Фшшшш! – Ветер гневно прищурил глаза и вздыбил гребень, чешуйки на его спине слегка приподнялись. – По– твоему, я не делаю все, что возможно?

Галя поникла и быстро отвела взгляд.

– Прости.

– Фшшш... – Ветер с трудом унял шипение и отвернулся, нервно подергивая

хвостом. – Ты не понимаешь.

– А ты, стало быть, понимаешь?! – возмущилась девушка. Ее друг резко повернул голову:

– Он черный, – глухо сказал Ветер. – На нем третья чешуя. После даарр’с, рано или поздно, в каждом просыпается внутреннее знание, как память о судьбе, предчувствие пути, так мы становимся взрослыми. Я оделся в третью чешую много лет назад, а тебе даарр’с лишь предстоит, Галя.

– Я не хочу так, – выдавила она, царапая ковер. – Не хочу. Я сама изберу себе путь!

– Это и есть выбор, – ласково отозвался Ветер. – Никто не сделает его за тебя, милая.

Галя, всхлипнув, бросила короткий взгляд на раненного.

– Таков его путь? Добровольная смерть?

Ветра передернуло. Глубоко скрытый, где– то на самом дне души ужас, внезапно дал о себе знать – липкими, холодными жвалами, пока еще нежно погладившими сердце.

– Я не знаю, – совсем тихо произнес черный дракон. – Свой выбор я еще не сделал.

Галя содрогнулась. Ничего не ответив, она упрямо потрянула гривой и принялась натирать чешую больного пучком целебной травы. Ветер отошел к окну.

Логово стояло на самом краю поселка, ближе всех к морю, отсюда открывался изумительный вид. Некоторое время крылатый, глубоко дыша, втягивал мириады запахов, он не любил жмуриться даже в такие минуты. Ночь приближалась уверенной королевской поступью.

Вдали, над океаном, зоркие драконьи глаза отметили призрачную, едва различимую россыпь огней. Ветер прищурился; его зрачки сменили форму, рывком приблизив отдаленное зарево.

– Галя, – вполголоса позвал крылатый. – Смотри.

Девушка нехотя отвернулась от раненного:

– Что там?

– Нимфы, – шепнул дракон.

Она подошла к окну, обняла крылом друга. Вдали, на огромном расстоянии от берега, волны раскачивали десятки хрупких корабликов. Связанные в плоты по шесть– семь лодок, увешанные фонарями камышовые суденышки никогда не предназначались для открытого моря, но выбора у их хозяев, очевидно, уже не осталось. На каждом плоту, сбившись в кучки и зябко кутаясь в вязанные травяные одеяла, плыли нимфы.

Изящные дети лета, смешливые, зеленоволосые, сейчас они казались до боли нелепыми. В тихую звездную ночь, кто не улыбнется, расслышав звуки свирели на берегу теплой речки? Но здесь, посреди ледяного океана, дрожащие от холодных брызг и беспомощно цеплявшиеся за борта углых лодочек, беженцы вызывали какое угодно чувство, только не радость.

– Еще одна стая летит в теплые края, – мрачно прошептала Галя. – А мы остаемся. Мы всегда остаемся.

Ветер лишь крепче обнял ее крылом.

Утро вставало так медленно, будто ночные морозы держали его за хвост. Ветер, отдежурив всю ночь рядом с раненым, с первыми лучами солнца уступил вахту другому дракону и, сонный, брел к соседнему логову, мечтая вздремнуть. Галя вернулась к себе еще ночью.

Пушистого гостя Ветер заметил издали и, мысленно, застонал – небо, ну почему сейчас... Тем не менее, сворачивать дракон не стал. Он избегал обижать даже самых надоедливых, самых бесполезных, самых наивных друзей.

– Простите... – робко позвал взъерошенный синеглазый грифон, когда Ветер подошел ближе. Бело– золотая птица переминалась с лапы на лапу и, явно, нервничала. – Я слышал, больному стало хуже? Я могу помочь? Хоть как– то? Чем– то? Могу?

Все раздражение усталого Ветра мгновенно отступило. Грустно улыбнувшись,

дракон покачал головой.

– Нет, Орнис. Боюсь, мы бессильны.

Грифон отвел глаза, его длинный хвост заметно подергивался.

– Я... Я понимаю, как сильно вам надоел... Но я правда хочу помочь. Хоть как–нибудь! – он с волнением приспустил крылья. – У меня огромный опыт в лечении жи... – грифон поперхнулся, – ...живых существ разных видов.

– Ты нам вовсе не надоел, – удивленный дракон приподнял гребень. – С чего так решил?

Орнис поник.

– Я не специально, – сказал он тихо. – Вы терпите меня уже второй месяц и ничего не говорите, но я ведь натуралист. Я все замечаю. Это мое призвание – все замечать.

Грифон поднял на Ветра умоляющий взгляд.

– Я не специально вас раздражаю! Правда! Дело в том, что... Вы разумное и гордое племя, а я всегда изучал животных и привык наблюдать, а не спрашивать. Вот вам и кажется, словно я повсюду сую свой клюв.

Дракон невольно фыркнул.

– Орнис, все в порядке. Не волнуйся, – Ветер вздохнул. – Ты до сих пор боишься, но я ведь говорил тысячу раз: чувствуй себя, как дома, – он обвел крылом поселок. – Изучай нас, пиши свою книгу. Верь, никого ты этим не обидишь, – дракон тепло улыбнулся.

– Я не боюсь, – очень серьезно ответил пернатый. – Я НЕ ХОЧУ вас обижать. Я искренне, всем сердцем вас уважаю.

– Тогда учись и доверять, – Ветер подмигнул. – Птица, если б ты мешала хоть кому–нибудь в стае, уж поверь, терпеть два месяца я бы не стал.

– Но вы же сами... Прямо сейчас... – грифон моргнул. – У вас был такой вид, словно...

– Да я не спал всю ночь! – рассмеялся дракон.

Орнис перевел дыхание.

– Извините...

– Все хорошо. Не бери в голову, – Ветер смерил пернатого внимательным

взглядом. – Что за опытом ты владеешь, как желаешь помочь раненному?

Пернатый, встрепенувшись, затараторил что– то о мази из лепестков горных лилий и давящих повязках, но быстро умолк, прочитав ответ в янтарных глазах. Ветер, не в силах сдерживать эмоции, расправил крыло и ласково накрыл им бело–золотую птицу.

– Он умирает не от ран, – тихо сказал дракон. – Мне очень жаль, Орнис.

– Не от ран? – растеряно переспросил грифон. Ветер стиснул зубы.

– Он не хочет жить. Никто не понимает, почему, но таков его выбор. Погаснуть, как догоревшая свеча. Мы бессильны это изменить. Помочь ему сейчас не сумеет никакой целитель.

Пернатый сильно вздрогнул.

– Но так нельзя! Надо поддерживать организм, насильно, коли требуется! Рано или поздно суицидное расстройство сменится менее деструктивными формами, а следом... – он запнулся, когда Ветер поднял коготь и, тихонько, коснулся пластичного грифоньего клюва.

– Сколько тебе лет? – негромко спросил дракон. Орнис, сглотнув, отвел взгляд.

– Семнадцать. Это много! – добавил он горячо. – Наша жизнь раскручивается быстро!

– Мне около трех веков, – Ветер спокойно смотрел на взволнованного пернатого. – Дело не в том, выживет ли сегодня раненный дракон. Ты думаешь о его больном теле, а я догадываюсь об исковерканной душе, – совсем тихо произнес крылатый. – Бывает боль, терпеть которую, век за веком, тысячелетие за тысячелетием, не пожелает никто, будь он драконом, грифоном или дриадой. Мне очень жаль, Орнис. Я вижу, ты страдаешь. А теперь представь, – Ветер сглотнул, – Что такое же страдание, но стократ более жгучее, проникнет в твое нутро и останется навсегда. Сумеешь ли ты и дальше получать удовольствие от жизни?

– Жить можно с любой болью, коли живешь для других, – жестко ответил грифон.

– А если твои страдания причиняют боль и другим? – спросил Ветер.

Пернатый отвел взгляд.

– Мы не пойдем друг друга, – сказал он с удивительной серьезностью и

спокойствием. – Я восхищен миром с тех пор, как открыл глаза, и каждый день, каждое мгновение не устаю поражаться его грандиозной красоте, немислимой сложности, бесконечной гармонии. Живи я вечно – не хватило бы и вечности!

Дракон вздохнул.

– Понять не значит принять, Орнис. Я не представляю, как можно добровольно отказаться от всего этого... – Ветер выпрямился и, рывком, распахнул крылья, объяв ими небо. – Но я способен понять чужой выбор, даже если никогда не приму его сам.

Дракон ласково потрепал поникшего грифона.

– Не горюй. Ищи свет даже в крошечной тьме. Раз мы не в силах отворотить трагедию, попытаемся, хотя бы, уменьшить ее бессмысленность – происходящее может дать тебе ценный материал для книги.

Орнис опустил голову, его бока тяжело вздымались. Чтобы отвлечь друга от мрачных мыслей, Ветер решил перевести тему и, с наигранным любопытством, взял грифона за лапу.

– Как у тебя получается? – весело спросил дракон.

– Что? – буркнул пернатый.

– Писать книгу. Ты ж четвероногий.

Орнис невесело улыбнулся, растянув края пластичного клюва.

– Мои лапки не столь ловкие, как у вас, но удержать перо я могу.

– А главное – недостатка в перьях ты не испытываешь, – подмигнул Ветер.

Грифон тяжело вздохнул.

– Позвольте хоть попытаться помочь, – попросил он негромко. – Если ему все равно умирать, как я могу навредить? Куда уж хуже?

Дракон помолчал.

– Что ж, лети, – он указал крылом на свое логово. – Скажи Реагарру, я разрешил.

– Спасибо! – пернатый с огромной благодарностью сжал лапу Ветра. – Понимаете, я... Я...

– Ты должен быть уверен, что сделал все, что мог, – мягко ответил Ветер. – Иначе будешь терзаться до конца жизни.

Пораженный грифон вскинул глаза. Не сумев найти слов, он лишь судорожно стиснул драконью лапу в знак признательности и, взъерошенный, как воробушек после драки, побежал к темневшему вдали логову. Ветер долго провожал его взглядом.

Глава 2

Незнакомца хоронили всем миром, на островке в устье полноводной Эллань. Место выбрал Ветер, как старший из шестнадцати живших на берегу моря драконов. Галю все уговаривали остаться дома, но она прилетела и, молча, стояла рядом с друзьями, пока изуродованное тело опускали в большую неглубокую яму; юная Ирли, с яркими испуганными глазками, где-то вычитала, что драконов надо хоронить с расправленными крыльями.

Засыпали свежей землей, разровняли, взрыхлили когтями. Потом каждый, по очереди, посадил на могиле саженец – кто какой выбрал. Галя, упрямо сдерживая слезы, принесла клен.

До вечера драконы оставались на островке, хотя разговаривать никого не тянуло. Все угрюмо ждали заката. С последними лучами солнца, шестнадцать крылатых синхронно прыгнули в небо и, кружа над лесом, запели прощальную песню, которую – к общему удивлению – каждый из них откуда-то знал. На этом печальный день завершился.

В поселке все, так же молча, разбрелись по логовам, почти сразу погасив огни. Грифона сегодня заметно не было, он не появился и на похоронах, проявив несвойственный ему такт. Расставшись с друзьями, Ветер, тяжело переживавший за Галю, решил нанести ей визит. Сизая драконша не сразу открыла дверь.

– Можно? – робко спросил Ветер. Галя отвела взгляд.

– Входи, конечно.

Они поднялись на второй этаж, где Галя устроила «звездную комнату» – множество крохотных эфирных дисков были разбросаны по потолку, создавая точную

иллюзию прозрачного свода, у окон стояли телескопы и сложные, незнакомые Ветру астрономические приборы из полированного металла. Дракон улегся на ковер.

– Ты в порядке? – спросил участливо.

Галя невесело фыркнула.

– Да так... Раскисла. Прости.

– Смерть такая же часть любой жизни, как и рождение, – тихо сказал Ветер. – Это надо принять, Галь.

– Нравится, не нравится, а придется? – драконша уселась напротив друга и скрестила за спиной крылья. – Я лечу с тобой.

Ветер моргнул.

– Куда?!

– Ты уже все решил, не отпирайся, – Галя сверкнула глазами. – Я переживаю из-за погибшего, но тебя грызет кое-что другое. Боишься, а, Ветерок?

Черный дракон уже насмешливо вскинул гребень, желая отшутиться, но слова застряли в горле. Гребень медленно опустился.

– Боюсь, – сказал он после долгой паузы.

Повисла неловкая тишина. Крылатые избегали смотреть друг на друга.

– Как ушел Кармин? – спросила, наконец, сизая драконша. – Ты не рассказывал.

Ветер опустил голову

– А что рассказывать... Мы попрощались, он потрепал меня крылом и сказал, я теперь за старшего. Вот и все.

– И тебе никогда не хотелось узнать, что с ним стало? – тихо спросила Галя.

Ветер покачал головой.

– То был его выбор. Когда-нибудь, точно так же уйду и я, а новым вожаком станет веселая Галактика, вторая по старшинству в стае, но самая молодая в душе, – он загнул крыло, лизнул перепонку и жестом отправил подруге «воздушный поцелуй». Галя с трудом улыбнулась.

– А помнишь, за что меня прозвали Галючкой– колючкой?

Ветер вздыбил чешуйки на спине и невольно прижал гребень.

– Да уж, такое забудешь...

– Прости, – Галя смущенно отвела взгляд. – Маленькая я тогда была.

– Зато проказничала не по возрасту, – дракон поежился. – До сих пор хвост сводит. Это ж придумать надо было! – он фыркнул. Огляделся. – А помнишь того чокнутого гнома, что едва не выковырял тебе глаз?

Драконша легонько взъерошила чешуйки.

– Ничего подобного Сорен не делал. Он просто хотел понять, как у нас получается приближать глазами далекие объекты.

– Угу, – усмехнулся Ветер. – А ты целый месяц не могла летать, пока зрение не восстановилось.

Галя упрямо мотнула головой:

– Но ведь ничего страшного не произошло? Зато Сорен научился делать телескопы, – она обвела крылом свою обсерваторию. – Знал бы ты, как увлекательно изучать звезды! – девушка в упор посмотрела на друга: – Я лечу с тобой.

– Нет, – твердо отозвался Ветер. Он напрягся, готовясь к взрыву негодования, но сизая драконша молчала. Молчала так долго, что Ветер даже встревожился.

– Галя?

– Сколько лет уже мы тут обитаем? – спросила она безжизненно. – Ты помнишь?

Ветер, озадаченный, уселся на хвост и почесал крыльевым когтем за рогом.

– Ну– у... Не помню, если честно. Много.

– Когда ты в первый раз сменил чешую и начал мыслить, мы жили здесь?

Черный дракон моргнул.

– Конечно. А вот Кармин прилетел на этот берег уже сизым, во второй чешуе.

– Он не рассказывал, что было раньше? – с волнением спросила Галя. – Он бы помнил!

Ветер недоуменно кивнул:

– Конечно, помнил. Хоть и смутно, ведь он едва– едва обрел разум. Кармин рассказывал, как перед битвой с Глубинными ему вручили корзину с яйцами и приказали, любой ценой, сохранить стаю. Он решил поселиться подальше от Внутреннего Моря... – дракон жестом крыла обвел помещение, – ...здесь.

– Их было шестнадцать? Яиц?

– Пятнадцать, – вздохнул Ветер. – Я к тому времени уже вылупился.

– Пятнадцать яиц и младенца доверили едва оперившемуся птенцу, даже не указав, куда лететь... – задумчиво протянула драконша. – Я не понимаю. Сколь бы жестокая ни предстояла битва, неужели с нами не могли отправить хоть одного взрослого?

Ветер бросил на подругу невеселый взгляд.

– А тебе не приходило в голову, что все было иначе?

Галя вздрогнула.

– Как?

– Думаю, Кармин просто собрал то, что уцелело после битвы, – совсем тихо сказал Ветер. Распустив левое крыло, он приподнялся на локте и указал когтем на аккуратный, едва заметный шрам под увитым мышцами суставом.

– Что это? – в страхе спросила Галя.

– Я не помню, как приобрел эту метку, – глухо ответил дракон. – Кармин всегда говорил, что я поранился еще младенцем, но при смене чешуи шрамы исчезают.

– Кроме врожденных, – прошептала потрясенная драконша.

Ветер угрюмо кивнул.

– Кроме тех, что получил еще в скорлупе.

– Но... Но... – Галя в ужасе накрылась крылом. – Как же ты...

– Выжил? – Ветер вздохнул. – Не знаю, милая. Повезло. Быть может, именно поэтому я на целый год позже других научился летать.

Драконша отпрянула, в ее глазах мелькнул странный огонек.

– Значит все, что нам рассказывали, ложь... – прошептала она, глубоко дыша.

– Глупая и наивная, – резко отозвался Ветер. Галя вздрогнула.

– Н– нет... – она неуверенно отвела взгляд. – Кармина можно понять.

– Это ты глупая и наивная, – вздохнул черный дракон. – Наивная, раз сразу веришь, и глупая, раз не ставишь под сомнение.

Галя с трудом растянула губы в улыбке.

– Ну, спасибо...

– Говорю как есть.

– Я лечу с тобой.

– Милая, сколько раз повторять? Ты остаешься за старшую, пока я не вернусь.

Это не игра.

– Смотря для кого, – буркнула драконша.

Ветер протянул крыло и ласково обнял ее за шею.

– Я скоро вернусь, – сказал нежно. – Обещаю.

Галя молчала целую вечность.

– Ты ведь летишь не к Запретным горам, правда? – спросила она, наконец, одними губами. – Правда?

Ветер отвел глаза.

Черный дракон покинул селение перед рассветом, чтобы зря не беспокоить друзей. Провожала его только Галя. Они долго стояли, обнявшись, говорить было не о чем. Так, молча, и расстались. Уже в высоте, набирая скорость и вспарывая искрящими крыльями ночной воздух, Ветер подумал – должно быть, Гале сейчас так же плохо, как было ему самому, когда улетал Кармин.

Восточный горизонт потихоньку наливался огнем. Там, за океаном, рассвет наполнял мир яростным взрывом красок, но здесь пока царила изысканная ночь. Небо под ее кистью сверкало таким богатством оттенков синевы, что день, стыдясь собственной бесталанности, не торопился губить чужую картину. С огромной высоты, где парил Ветер, открывалось поразительное, неведомое бескрылым зрелище – когда в небе одновременно сияют и звезды, и темно–пурпурное Солнце.

Дракон летел на север. Много лет Кармин, а с его уходом – и сам Ветер, предостерегали крылатых от возвращения к берегам Внутреннего моря. Там, некогда, произошла трагедия, о которой никто из драконов не помнил, но чье наследие прочно вошло в их тихую жизнь. Даже сегодня, став взрослым, Ветер боялся севера и никогда не летал к Запретным горам, отсекавшим злое море от

остального материка.

Не собирався и сейчас – черный дракон мчался к озеру Л'лиин, где обитала небольшая община лесных эльфов. Вопреки прозвищу, жили они не в лесу, а в аккуратных избушках на берегу озера, каждый домик окружали пышные цветники. Эльфийские сады цвели и зимой, и летом, не теряя красок даже в жестокие бури. Много лет назад, эльфы помогли соседям– драконам при создании оранжереи, но в гости заглядывали редко: как и сами крылатые, они любили уединение и не страдали от стадного чувства, столь обычного для менее древних рас.

Появление Ветра не прошло незамеченным, на шум крыльев из домов вышло несколько взрослых. Черный дракон вежливо загнул крыло и наклонил голову.

– Радуйтесь и процветайте.

– Доброго неба, – кивнул один из эльфов.

Гость опустил на траву, аккуратно сложив крылья, чтобы не повредить ближайшую живую изгородь.

– Я Ветер, старший в стае, – представился дракон. – Я бы хотел поговорить с кем–нибудь, помнящим появление в этих местах первых крылатых.

Эльфы переглянулись. Тот, кто приветствовал гостя, подошел ближе и присел на корточки. Его тонкое лицо отличалось изяществом черт, зеленые волосы струились на плечи. Глаза, как у всех эльфов, переливались изумрудно–салатовым и сильно напоминали кошачьи.

– Мы заселили излучину Элланы позже вас, – заметил эльф. – Драконы, помнится, были в то время неразумными ящерами, таскали у нас все блестящее... – он улыбнулся, обезоруживающе и тепло, как не умеет никто кроме драконов и эльфов. – Старшего, кажется, звали Кармин? Что с ним случилось?

Ветер опустил голову.

– Он улетел. Несколько лет назад.

– Куда?

– Мы не знаем, – дракон покачал головой. – Говорят, каждый в нашем роду, взрослея, должен сделать выбор. Кармин растил всю стаю от скорлупы...

Эльф помолчал, размышляя над новостью.

– Ты черный, – заметил он, наконец. – То есть, уже взрослый?

– Да, – кивнул Ветер. – Я оделся в третью чешую незадолго до отлета Кармина.

– Вероятно, этого он и ждал ... – прошептал эльф.

Дракон улыбнулся.

– Все может быть.

– О чем ты хотел спросить?

Ветер помолчал, глядя на хрупкого и крохотного, в сравнении с могучим драконом, жителя деревни. Что ему известно об эльфах? Да ничего, если задуматься... Сотни лет они обитают буквально в паре взмахов друг от друга, но не стремятся узнавать соседей ближе.

– Шесть дней назад, шторм выбросил на берег израненного дракона, – тихо сказал Ветер. – Мы остановили кровь и зашили раны, но дракон будто утратил желание жить. Вчера он скончался, так и не сказав ни слова, даже не шевельнув крылом... – Ветер опустил голову. – Я не знал, что в мире есть и другие стаи. О них я желаю спросить.

Эльф помрачнел, его друзья, слушавшие беседу в отдалении, тревожно переглянулись. Зеленоволосый встал на ноги.

– Тяжкую весть ты принес.

– Почему?

Эльф ответил не сразу. В его глазах на миг промелькнула странная искорка – то ли горечь, то ли бесконечное, глубокое сострадание.

– Потому, что в мире нет других драконов, – тихо сказал зеленоволосый. – Вы похоронили Кармина.

Слова не сразу пробились в сознание. Когда Ветер понял, у него разом поднялась дыбом вся чешуя, гребень встопорщился, пасть приоткрылась. Отпрянув всем телом, черный дракон в ужасе вцепился когтями в землю.

– Что?... ЧТО?!... Но... Это невозможно!!! Я не мог не узнать Кармина!!! Его запах знаком мне столь же отчетливо, как мой собственный!! Лицо... Крылья... Я... – отчаяние душило Ветра, поскольку в глазах эльфа он слишком хорошо видел ответ.

– Прости, – с болью сказал зеленоволосый. – Мы совершенно точно знаем, что других драконьих стай не существует. Тот, кого вы нашли, мог быть только

Кармином. Мне очень жаль.

Потрясенный, уничтоженный Ветер с головой накрылся крыльями и застыл, пытаясь справиться с шоком. Он и раньше знал, что, скорее всего, никогда не увидит старшего брата, но смерть... Это не укладывалось в голове. Сердце дракона сжалось, грудь пронзила острая боль.

– Откуда вы знаете, что крылатых нигде нет? – из-под крыльев выдавил Ветер, его трясло. – Может... Может, вы ошиблись...

– Нам не требуется знать, – тихо, ласково отозвался эльф. – Мы чувствуем каждую душу, где бы она ни находилась. От горных вершин до самой глубокой океанской впадины. Мы едины с этим миром, дракон, мы плоть от его плоти.

– Нет! – Ветер, одолев потрясение, гневно выпрямился и прижал к голове гребень. – Нет. Я отказываюсь верить. Кармин был мне ближе кого бы то ни было, я не мог спутать его с другим!

– Ты не знаешь, где он побывал и что видел, – совсем негромко сказал другой эльф. – Поверь, иногда... Если умирает душа... То, что осталось от тела, не узнает и мать.

– Экклаэр! – в бешенстве воскликнул зеленоволосый, рывком обернувшись к говорившему. Но было уже поздно: Ветер пятился, широко раскрыв глаза.

– Мать... – дрожа, прошептал дракон. – У меня... У всех нас... Были родители... – он вскрикнул, распахнув крылья. – Почему я не вспоминал о них?! Что с нами сделали?!

– Стой! – эльф повис на мощной когтистой лапе. – Молю! Постой! Не лети к морю!

Ветер сглотнул:

– Внутреннее море, – произнес он мертвым голосом.

– Нет! – теперь затрясло и эльфа. – Ветер, пожалуйста, если стая тебе дорога, не лети! Поверь мне! Поверь! Вам нельзя... Нельзя туда! Вы погибнете, каждый из вас, каждый! Драконы исчезнут навсегда, если ты сейчас не остановишься!

Трепещущий крылатый зажмурился от боли.

– Что произошло за горами? – спросил он с мукой. – Кто отнял у нас прошлое?

– Вам подарили будущее! – резко бросил второй эльф.

Дракон оцепенел. Из домиков на голоса выбегали жители, вокруг гостя уже собралась небольшая толпа. Зеленоволосый, так до сих пор и державший Ветра за лапу, с волнением поднял взгляд.

– Что бы там ни случилось, все давно в прошлом, – сказал он горячо. – Далекое и жуткое. Молю, подумай о других. О своих друзьях. Если ты... Если хоть один дракон перелетит Запретные горы...

– Кто изгнал мой род? – чуть спокойнее спросил Ветер. Он справился с шоком, хоть сердце и грозило выскочить из груди. – Кто уничтожил крылатых?

Эльф покачал головой.

– Не только крылатых, – произнес он чуть слышно.

Дракон задохнулся. Понимание вспыхнуло тошнотворной, ядовитой искоркой, грозившей пожрать и отравить разум.

– Вы... Это селение... – прошептал Ветер. – Единственное на свете?!

Зеленоволосый отвел глаза. Дракон с такой силой сжал зубы, что из десен потекла кровь. Его могучий разум упорно сопротивлялся потрясениям, но от волнения и нового, ни разу прежде не испытанного чувства – гнева – темнело в душе. Помолчав, крылатый поднял голову и совсем иначе оглядел деревеньку. Сердце болезненно сжалось.

– Другие? – совсем тихо спросил Ветер. – Грифоны, единороги, гномы? От них тоже сохранились лишь... Образцы?

Эльф отвернулся.

– Прости. Прости... Вы не должны были это узнать. Никто не должен был.

– А как узнали вы? – дракон склонил голову набок и сузил глаза.

– Мы чувствуем, – отозвалась одна из толпившихся рядом эльфиек. – Так уж устроены.

– Нет, – жестко произнес Ветер. – Мне свыше трехсот лет, и я ни разу не вспоминал слова «мать», пока не услышал его сейчас. Если такое проделали с каждым... Народом... Вы никогда бы не вспомнили сами!

Эльфы молчали. Зеленоволосый смотрел в яркие драконьи глаза, и оба понимали, что правду уже не сокрыть.

– Я должен знать, – с болью взмолился крылатый. – Должен!

– Должен? – переспросил тот эльф, чья оплошность раскрыла секрет. – Я скажу, что ты должен сейчас сделать, дракон, если дорожишь жалкими остатками своего рода. Но ты ведь и сам это знаешь, верно? Ты достаточно умен, раз понял правду. Пойми и последствия.

Ветер зажмурился. Зеленоволосый положил руку на плечо разгневанного сородича:

– Достаточно, Фэар.

– Чем они лучше нас? – жестко отозвался эльф. – Почему только мы должны оставаться проклятыми? Как описать, что за боль я испытываю каждый день, каждый час, каждый миг?!

– И потому ты жаждешь причинить такую же боль друзьям? – горько спросил зеленоволосый.

Фэар вспыхнул. Стиснув кулаки, он молча развернулся на месте и зашагал прочь. Ветер закрыл глаза, веки были бесконечно, невыносимо тяжелыми.

– Возвращайся домой, – глухо произнес зеленоволосый. – Теперь ты проклят, как и мы, но остальные драконы проклятия не заслуживают. Сжался над ними и постарайся... Хоть недолго... Делать вид, словно счастлив.

Крылатый содрогнулся всем телом.

– Это погубило Кармина? – спросил едва слышно.

– Это погубило многих.

Ветер с огромным трудом перевел дыхание и поднял голову. Изумительное, полное красок рассветное небо неожиданно показалось ему черным.

Молча расправив крылья, дракон тяжело снялся с места и начал набор высоты. В душе было до того пусто, что комок боли, словно шмат кровавого мяса, с чавканьем перекатывался от сердца к разуму и обратно, пятная свой путь гниющими язвами.

Глава 3

– Я знала, что найду тебя здесь.

Ветер, вздрогнув, поднял голову. У могилы, нервно помахивая хвостом, стояла Галя. Дракон распахнул крылья, желая улететь, но подруга двумя взмахами оказалась рядом и схватила его за плечи.

– Хватит, – взмолилась сизая драконша. – Пожалуйста, хватит! С тех пор, как ты вернулся... – она зажмурилась. – Ветер, я никогда и ничего не боялась. Пока не заглянула тебе в глаза. Что ты узнал? Что случилось?

– Пусти, – коротко сказал дракон.

– Нет!

– Пусти, я должен лететь.

Галя в бешенстве встопорщила гребень:

– Почему ты меня избегаешь?!

– Потому, что не хочу видеть.

Драконша, издав хриплый сдавленный вскрик, отпрянула всем телом. Ветер смотрел ей в глаза. Некоторое время они хранили молчание, лишь гулко колотились сердца. Первой заговорила девушка:

– Я... Не понимаю...

– Ты и не должна понимать, – жестко произнес Ветер. – Ты должна смириться. Я... Сделал выбор, – он рывком отвернулся и скрестил крылья. – Я улечу, едва ты сменишь чешую. Улечу навсегда. Тебе пора учиться быть лидером, а это значит – подавать остальным пример. Какой пример ты им подаешь? Плаксивой девчонки?

– Но... Но... – растерянная Галя попятилась. – Ты же...

Черный дракон скрипнул зубами:

– Я достаточно долго за вами присматривал. Хватит. Ты уже почти взрослая, еще пару лет – и я, наконец, смогу от всех вас избавиться.

– Избавиться?! – гребень драконши взмыл к небу, на глазах заблестели слезы. – Гад! Предатель!!! – она разрыдалась и бросилась прочь, волоча по земле крылья.

Ветер ощутил, что еще немного, и выдержки не хватит. Он метнется следом, стиснет ее в объятиях, утешит и – погубит. Чтобы не сойти с ума, дракон скрутился в клубок и вцепился зубами в хвост, прокусив чешую до крови. Острая боль помогла немного прийти в себя.

Чувствуя, как на глаза едва ли не впервые в жизни наворачиваются слезы,

крылатый заставил себя сесть и, надеясь отвлечься, попытался разровнять примятые саженьцы. Могила таинственного дракона, которого Ветер все еще не мог, даже в душе, называть Кармином, уже покрылась молоденькими всходами. Скоро ее будет не отличить от окружавшего леса, а это... Это правильно, внезапно понял Ветер. Слиться с природой. Перестать существовать. Или, напротив, продолжить существование в тысячах новых форм? Взойти травой над своей могилой, подняться юным деревцем, взлететь цветочною пылью...

– Ты никогда не умел лгать, – тихо сказала Галя из-за спины. Ветра передернуло. Обернуться не успел – девушка обвила его крыльями и крепко обняла.

– Не надо, – попросила она шепотом. – Пожалуйста, не надо. Если любишь.

Ветер зажмурился, медленно опустился на колени. Его трясло. Сквозь сжатые веки, дракон ощутил нежное прикосновение:

– Вот так... – Галя облизнула ему слезы. – Все будет хорошо. Ты только не плачь, ладно? – она всхлипнула. – Я – то могу... Мне можно. А ты должен быть сильным. Ты дракон. Драконы не плачут.

Ветер судорожно стиснул подругу крыльями, прижал к груди.

– Уходи, – выдохнул с такой мукой, что Галя затрепетала. – Умоляю, уходи... – его прорвало, – Я не могу. Не могу. У меня отняли... Растоптали душу. Пожалуйста, Галя, милая, улетай. Я не могу... Ты не должна оставаться со мной. Ты должна быть счастлива. Жить... Радоваться... Мечтать. Понимаешь, родная? – Ветер с дикой надеждой заглянул ей в лицо, – Мечтать!

– Я сейчас счастливее, чем была когда-либо, – тихо отозвалась девушка. – Здесь и сейчас. Рядом с тобой. Так и не понял? – она прижалась лицом к его лицу. – Вот мое счастье. Мой выбор. Следовать за тобой, Ветер, и в горе, и в радости. В небесах и на дне морском. И никакая смерть нас не разлучит.

Он задохнулся. Слов просто не осталось, и дракон молча обнял подругу. Они забыли о времени. В его Вселенной теперь существовала только одна Галактика – яркоглазая, светлая, родная. И вместе их связывала сила стократ мощней гравитации.

– Расскажи все, – попросила Галя, когда порыв эмоций слегка отпустил, и оба дракона вернулись на землю. – Мы вместе найдем выход. Расскажи.

Ветер мучительно сглотнул.

– Родная... Мне легче вырвать самому себе сердце, чем причинить тебе боль.

А если я расскажу...

– Ты причинишь боль, если не расскажешь, – отозвалась девушка.

Дракон с силой втянул воздух.

– Мы последние, – сказал он тихо.

Повисла тишина.

– Последние драконы? – Галя моргнула.

– Не только драконы, – Ветер опустил голову, не в силах видеть ее удивленные глаза. – Мы все. Все обитатели этого мира, – он судорожно, до крови сжал когти.

– Эльфы, дриады, грифоны и нимфы, гномы и кентавры, феи и единороги, все народы, Галя. От нас сохранились лишь образцы. По одной небольшой стае.

– Но... Но... – потрясенная драконша приоткрыла пасть. – Это невозможно! Все бы давно заметили!

– А мы замечали? – горько спросил Ветер.

Галя оцепенела.

– Я... Никогда не задумывалась... – прошептала она в глубоком шоке.

– С нами что-то сотворили. Со всеми нами, родная, не только с драконами. Мы НЕ ПОМНИМ, – выдавил Ветер. – Не помним, что должны существовать и другие стаи. Не помним, что год за годом, век за веком, никому даже на миг не хотелось отправиться в путешествие, повидать мир... – дракон крепче обнял потрясенную девушку и нехотя, почти поперек воли, прошептал ей на ухо:

– Не помним слов «мать» и «отец».

– Ветер! – вскрикнула Галя. Дракон лишь молча стиснул подругу в объятиях, ощущая, как судорожно напряжена каждая ее мышца. Прошло несколько минут, крылатые тяжело дышали. Наконец, Галя слегка расслабилась, шок отступил. Ветер с болью заглянул в ее светло-зеленые, сейчас блестящие от слез глаза.

– Не плачь, – нежно, с бесконечной лаской шепнул дракон. – Ты не могла знать родителей, ты вылупилась уже здесь, под крылом Кармина. Позабить семью тебя не принуждали. Просто разучили о ней вспоминать...

Галя хрипло втянула воздух.

– Кто это сделал?

– Не знаю, – Ветер отвел глаза. – Да и не думаю, что хоть кто–нибудь знает.

Девушка скрипнула зубами.

– О, наверняка знают многие... – прошипела она. – Только не помнят!

Дракон с болью кивнул.

– Возможно... О, нет, – он вздрогнул, заметив среди деревьев белое пятнышко.

– Фшшшш!!!

– Что там? – Галя, встревожившись, завертела головой. Ветер в бешенстве клацнул зубами:

– А ну лети сюда, ты, жалкий пернатый шпион!!!

Грифон послушался сразу. Он выглядел до того испуганным, взъерошенным и несчастным, что ярость черного дракона слегка поутихла. Но и того, что осталось, могло хватить на десять нахальных птиц.

– И давно ты там прячешься? – тяжело дыша от гнева, спросил Ветер. – Тебе не кажется, что ИНОГДА драконам необходимо побыть наедине? Слышал о таких вещах, как частная жизнь и любовь?!

Пернатый трепетал.

– П– п– простите... – выдавил он, глядя в землю. – Я... Не специально... Я собирал травы... Когда вы... Прилетели...

– Все. Сейчас я ему откушу голову, – прорычала Галя, хлеща себя хвостом. Грифон зажмурился, драконша нависла над ним огромным сизым облаком гнева. Ветер, с трудом обуздав ярость, положил крыло на плечо девушке:

– Ладно, уже поздно. Оставь.

– Он все слышал! – прошипела Галя.

– Его это тоже касается, – мрачно отозвался дракон.

– Грифона касается, как я признавалась в любви?!

Ветер невольно улыбнулся, заметив, как сжался при этих словах пернатый.

– Я не хотел подслушивать... – выдавил Орнис. – Я сначала боялся улететь, а потом... Потом... Было уже поздно... Вы бы заметили, и... Оскорбились...

– А сейчас мы не оскорблены, по– твоему?! – взорвалась Галя. – Ты бы подглядывал, даже если б я была в третьей чешуе и мы с Ветром... – она запнулась, но, с ходу, поменяла окончание фразы, – ...говорили о личном?!

– Он тогда на целую главу своей книги материальчик бы получил, – усмехнулся дракон. Орнис дрожал от стыда и смущения.

– Простите... Пожалуйста... Я сегодня же покину стаю...

Ветер тяжело вздохнул и уселся на хвост.

– Ладно. Оставим вторжение в личную жизнь. Ты, очевидно, слышал и мой рассказ?

Грифон с трудом кивнул.

– И что думаешь? – сурово осведомился дракон.

Орнис несмело поднял глаза.

– Гнездовье, где я родился, довольно большое, – сказал он тихо. – Там обитают сотни грифонов. О других гнездовьях я не слыхал, но это вопрос времени и численности. Новые гнезда неизбежно появятся.

– А родителей помнишь?

– Конечно... – пернатый легонько распушился. – Я думаю, память была нарушена только у первого поколения.

Ветер вздрогнул.

– Поколения? – переспросил быстро.

Грифон развел крыльями:

– Вы взрослеете веками, – Орнис смущенно взглянул на Галю. – Я достиг зрелости в десять лет, а у вас все драконы в стае, кроме Ветра, даже еще не способны к размножению.

– И что с того? – Галя гневно прищурила глаза.

– Я путешественник и натуралист, – коротко отозвался грифон.

Драконы переглянулись.

– Намекаешь, наши будущие птенцы окажутся не затронуты проклятием? – Ветер задумался. Орнис радостно закивал:

– А как они могут быть затронуты, если с самого рождения... Простите, вылупления, будут рядом с родителями? – он смущенно моргнул. – Они ведь должны вас звать «мамами» и «папами»!

Глаза Ветра просветлели.

– И с первым же этим словом, память вернулась бы и к нам... – прошептал

дракон. Пернатый довольно распушился:

– Может, оно не такое и страшное, ваше проклятие? – негромко спросил грифон. – Я долго изучал животных... Только не обижайтесь, пожалуйста! – взмолился он испуганно. – Вы не животные! Просто... Все это очень напоминает искусственное интродуцирование видов.

– Чего– чего? – поразила Галя. Орнис робко улыбнулся.

– Ну... Представьте, вы хотите заселить певчими птицами пустой остров. Вы отправляетесь в леса, где гнездятся птицы...

– ...собираете кучу яиц и отвозите в новый дом! – в ужасе прошептал Ветер.

Грифон запнулся. Нехотя кивнул:

– Да. Примерно так.

Потрясенные драконы переглянулись.

– Кармин, – тихо сказала Галя.

– Это бессмысленно!

– Он дождался, пока ты сменишь чешую, и вернулся домой. Успешно закончив работу.

– Кармин был моим другом! – яростно возразил Ветер. – Он не стал бы скрывать!

– А– а– а... – грифон скромно поднял коготь, но сжался, встретив гневный взгляд сразу двоих крылатых. С трудом взяв себя в лапы, Ветер сглотнул.

– Прости. Я слушаю.

– Друг как раз и должен был молчать, – робко сказал Орнис. – Вы ведь тоже, вначале, ничего не хотели рассказывать почтенной Галактике, хотя любите ее...

– Фшшшш! – Галя вскинула гребень и взъерошила все чешуйки. Ветер обнял ее крылом, притянул к себе, нежно лизнул в нос.

– Он прав, милая.

Глаза девушки расширились, хвост беспомощно заметался, но постепенно эмоции отступили. Галя тяжело перевела дух.

– Ладно, – процедила она сквозь зубы. – Ладно. Допустим, все так. Зачем лишать нас памяти о родителях? Тяги к поискам сородичей?

Грифон опустил голову.

– Обещаете, что не рассердитесь?

Ветер вздрогнул.

– Обещаем.

– Ветерок?

– Мы обещаем, Галя, – с нажимом повторил дракон. Девушка помедлила.

– Ладно, – решилась она. – Говори.

Орнис с болью поднял глаза на друзей.

– Перелетным птицам в вольерах часто подрезают крылья, – произнес чуть слышно.

Повисла мертвая тишина. Драконы оцепенели, Орнис испуганно переводил взгляд с одного на другую. Наконец, собрав волю в когти, девушка облизнула слезы.

– Надо лететь к Внутре...

– НЕТ, – жестко оборвал Ветер. – Мы никогда не подвергнем стаю опасности.

Понимаешь?

Драконша медленно опустила голову.

– Понимаю. Но... Мы же не можем... Так все оставить?!!

– А что ты предлагаешь? – грустно спросил дракон.

– Ну, хотя бы расспросить эльфов!!!

Ветер покачал головой.

– Эльфы уже сказали гораздо больше, чем им хотелось.

– Все равно!

– Галя, родная... – дракон отвел взгляд. – Даже если они и поведают, как все...

Случилось... Это ничего не изменит. Правду знал лишь Кармин, а он... – Ветер сглотнул, – ...уже не расскажет.

Девушка поникла, но, внезапно, встрепенулась и подняла на друга изумленный взгляд:

– Не обязательно лететь к Запретным горам, чтобы за них заглянуть, – сказала негромко.

Дракон моргнул.

– Что?

Галя рывком обернулась к грифону:

– Ты, помнится, хвастал, что умеешь зависать в воздухе? – спросила свирепо. – На какой высоте?

– А– а?! – пернатый попятился. – А– а... На любой, вообще– то...

– Галя, его нельзя отправлять за горы, – Ветер встряхнул подругу за плечи. – Это может подвергнуть всех грифонов опасности!

Драконша хрипло рассмеялась и взвилась на ноги.

– Есть другой путь.

Ждать подходящей погоды пришлось много дней, тучи никак не желали расходиться – будто им тоже было любопытно. Невольную проволочку использовали для тренировок; Орнис, светившийся от радости, что, наконец, может оказать реальную помощь, учился подолгу зависать на большой высоте. Мускулистое тело грифона несло особую, сшитую Галей упряжь, к которой, с помощью амортизирующих каучуко– гелевых лент, параллельно земле было подвешено гигантское, почти невесомое выпуклое зеркало из золотой паутины.

Гале не сразу удалось подобрать настройки для ее самого крупного телескопа, но к вечеру третьего дня сложности отступили. Теперь грифона отправляли так далеко от поселка, что даже Ветер – единственный взрослый, а потому и самый зоркий дракон – не в силах был различить его невооруженным глазом. В телескоп, однако, пернатый был виден как на расстоянии вытянутого крыла, а главное – выпуклое зеркало давало отличный обзор местности.

День для эксперимента выдался морозным, но ясным. Ветер и Галя еще загодя доставили снаряжение в предгорья Запретного хребта, Орнис всю ночь отсыпался. На рассвете, крылатые друзья в неестественной зимней тишине поднялись в небо.

От красоты пейзажа захватывало дух. Иней, выпавший ночью, превратил каждый куст в драгоценность, травинку – в бриллиантовое кольцо. Багровое солнце искрилось в ветвях неподвижного леса, певчей птицей порхало от дерева к дереву.

Грифон, покрытый перьями лишь наполовину, явно мерз, но бодрился и даже

пел задорную песенку. Драконы летели молча. У подножья Запретных гор все трое опустились к разбитому заранее лагерю, где Ветер поспешно дыхнул огнем на кучу хвороста, чтобы Орнис мог согреться. Пернатый с глубокой признательностью кивнул.

Пока грифон мурчал от удовольствия и вертелся у самого пламени, Галя с помощью черного дракона устанавливала телескоп. Необходимый угол между зеркалом и наземной станцией, с учетом перекрытия горами линии зрения, она рассчитала давно, но сейчас девушку грызли сомнения – Запретный хребет в утренней дымке казался гораздо крупнее.

– Надо договориться о сигналах, – сказала она наконец, убедившись, что телескоп настроен и больше с земли ничего не улучшить. – Орнис, давай так: когда наберешь высоту, оглянись на лагерь – если ты слишком низко, я дважды дыхну огнем.

– Ясно! – пернатый с готовностью закивал.

– И вот еще что, – негромко вставил Ветер. – Я не знаю, только ли драконам опасно пересекать эти горы, или эльфы говорили обо всех крылатых. Ни в коем случае не приближайся к вершине, лети только вверх. Понимаешь, Орнис?

Грифон тревожно распушил воротник перьев:

– Но мы же хотели...

– С большой высоты форма зеркала позволит увидеть местность за горами без лишнего риска, – оборвал дракон. – Мы не умеем висеть в полете, иначе отправился бы я сам. А я не для того запретил Гале рисковать стаяй, чтобы позволить ТЕБЕ рисковать сородичами. Орнис, это не игра и не научный эксперимент. Ясно? Ты взлетишь над хребтом, не сделаешь и взмаха к Внутреннему Морю. Обещай.

Пернатый с большой неохотой кивнул.

– Хорошо.

– На кону не только твоя жизнь, – жестко произнес Ветер. – Рисковать собой мы можем, рисковать друзьями – никогда. Повтори.

Орнис вскинул голову.

– Рисковать собой мы можем, но друзьями – никогда.

– Повторяй эти слова каждое мгновение.

– Я понял.

Ветер оглянулся на Галю, она кивнула. Дракон сжал плечо пернатого друга.

– Удачи.

Грифон очень серьезно кивнул и распахнул крылья. Взмыл на пару метров, завис, поднимая могучими взмахами тучи листьев и еловых иголок. Щуря глаза от пыли, Ветер привязал стропы зеркала к стабилизирующему каркасу и махнул лапой. Орнис рванулся ввысь.

Работая крыльями, будто сверкающий механизм, похожий в лучах утреннего Солнца на бело– золотую снежинку, грифон стремительно набирал высоту. Огромное зеркало так блестело, что снизу смотреть на полет было попросту больно глазам; дракон отошел к подруге, калибровавшей телескоп. Морозный воздух был невероятно чист и прозрачен.

На фоне чудовищных гор, молодой грифон казался точкой – Ветер лишь сейчас осознал, до чего же грандиозен Запретный хребет. Галя приникла к окуляру, лихорадочно вращая регулировочные колеса, чтобы не потерять из виду зеркало, а черный дракон опустился в траву. У него болело сердце, нехорошее предчувствие покусывало душу.

С каждой минутой Орнис взлетал все выше, вскоре различить грифона за сверканием зеркала стало невозможно даже драконьим глазам. Пернатый набирал высоту по спирали, он уже почти поравнялся с вершиной ближайшей скалы. Напряженная Галя отслеживала его траекторию телескопом.

– Вижу противоположные склоны. Деталей не различить, слишком далеко. Земля вне поля видимости. Орнис, кажется, устает. Вибрация в пределах нормы. Угол зрения расширяется.

Она положила лапу на главный рычаг – регулятор фокусного расстояния. Медленно сдвинула вниз на одно деление.

– Зеркало раскачивается, трудно следить, – процедила сквозь зубы. – Пытаюсь дать оверзум... – рычаг сдвинулся на еще одно деление. – Вижу море!

Ветер вскочил, его крылья напряглись.

– Что там? Ну?

Галя молчала, подкручивая то одно, то другое колесико.

– Да ничего, вроде... – пробормотала растеряно. – Просто берег. В меру изрезанный. Деревья. О, Орнис прекратил набор высоты! – она довольно потеряла крылья. – Умная птичка! Только... Почему раскачивается... Ветер!!! Зеркало падает!!!

– Что?! – взревел дракон и с места так рванулся в небо, что от стартового толчка ощутимо дрогнула земля, а с деревьев посыпались листья.

Скорость перебила дыхание. Тугой поток воздуха ударил в грудь, инстинктивно поднялось внутреннее веко, предохранявшее роговицу от высыхания. Ветер мчался вертикально вверх, лихорадочно озираясь в поисках погибающего друга – там, там! Блестка! Зеркало... Не мог же грифон в воздухе отсоединить его от упряжи?!!

Промчавшись рядом с падающим зеркалом, Ветер в отчаянии завертелся винтом, пытаясь обозреть как можно больший сектор неба. Это бессмысленно! Грифон должен падать в сто раз быстрее легкого паутинного диска, он давно бы его увидел! Что случилось?!

Рванувшись вниз, дракон легко догнал планирующее, как сухой лист зеркало, и в ужасе чуть не прикусил язык. Будто бритвой срезанная упряжь беспомощно моталась в воздухе, оборванные концы дымились. Но... Но как же...

– Ветер! – Галя подлетела на большой скорости и заложила вираж. – Грифона нигде нет! Он так и не упал! Что случи... – она заметила дымящуюся упряжь и оцепенела, чуть не потеряв поток. Дракон в бешенстве ударил кулаком об ладонь.

– На землю, – приказал он свирепо. – На землю, живо!!!

Испуганная Галя молча подчинилась. Ветер спикировал следом, с хрипом хватая пастью воздух. При виде его лица, драконша невольно попятилась.

– Возвращайся домой, – глухо приказал Ветер.

– Я... Я...

– Ты все поняла, Галя? – дракон свирепо оскалил клыки.

Девушка в отчаянии замотала головой:

– Не лети!!! Ты просто испаришься, а его не вернешь!!! Нужен другой путь!!!

– Я лечу не за горы, – бешено отозвался Ветер.

Его глаза были достаточно выразительны, чтобы Галя догадалась не спорить.

Дрожа от тревоги и волнения, она молча кивнула и ударила крыльями. Дракон ждал, пока девушка окончательно не скрылась на юге.

Затем он подлетел к упавшему зеркалу и, взмахом когтистой лапы, отсек кусок ремня с дымящимся концом. Тщательно обнюхал, моля небо, чтобы не ощутить запаха крови. Не ощутил. Пахло грифоньим потом, горелой резиной и металлом.

– Кто бы вы ни были, там, за горами, – прорычал дракон, царапая землю, – Больше вы не отберете ни одну жизнь. Ни одну!!!

Он издал свирепый, клопочущий вопль и рванулся навстречу Солнцу.

Глава 4

На сей раз, представляться дракон не спешил. Опустившись с разгона в центре эльфийской деревни, он поднял голову и исторг слепящий пламенный столб, озарив сады пурпурным сиянием. Испуганные эльфы выбегали из домов.

– Ветер?! – зеленоволосый застыл, посмотрев дракону в глаза. Крылатый молчал. Свирепо помахивая хвостом, он ждал, пока не увидел в толпе знакомое хмурое лицо. Так и не сказав ни слова, Ветер резко приблизился, схватил эльфа поперек груди и взмахнул крыльями.

Пока летели, Фэар не проронил ни единого звука. Дракон опустился на высокий утес, возвышавшийся над океаном, аккуратно поставил перед собой эльфа и швырнул ему под ноги обугленный кусок ремня. Их глаза встретились.

– Мой друг, только что, исчез при попытке заглянуть за горы, – глухо сказал Ветер. – Он не пересек Запретный Хребет, и все же пропал. Его судьба на моей совести. Если Орнис погиб, я никогда не отмоюсь от крови.

Дракон со скрипом процарапал в скале восемь глубоких борозд.

– Ты расскажешь все, что я хочу знать. Все. До последнего слова. Ясно?

– Иначе растерзаешь? – спокойно спросил Фэар.

Ветер вздрогнул.

– Неважно. Я слушаю.

– Нет, ты ответь, – эльф сузил глаза. – Что будет, если я откажусь говорить?

Дракон в ярости хлестнул себя хвостом.

– Я отнесу тебя обратно в деревню.

Фэар усмехнулся.

– Любопытно.

– Я не животное! – в бешенстве рявкнул Ветер. – Это ты, почему– то, считаешь меня животным!

Он вскинул лапу и указал на Север, где уже собирались грозовые тучи.

– Я должен отыскать друга. Любой ценой. Если ты ответишь на вопросы, это поможет мне не погибнуть. Жизнь дракона в твоих руках, эльф. Вот цена молчания. Моя жизнь. Не твоя.

Фэар помолчал, глядя на крылатого в упор. Ветер ждал. Наконец, эльф криво улыбнулся и скрестил на груди руки.

– Ты действительно умен, – процедил он сквозь зубы.

– Я не лгу!!!

– Знаю, – он отвернулся. Холодный морской бриз разведал драконью гриву, с севера впервые донеслись раскаты далекого грома. Ветер судорожно вдохнул.

– Что находится за горами?

– Ничего, – коротко ответил эльф.

– То есть?

– За горами кончается мир, – он вновь обернулся к дракону и взглянул прямо в лицо. – Ты хотел знать? Теперь знаешь.

Ветер нервно подергивал хвостом.

– Кто сотворил с нами... все это? За что?

– За что? – переспросил Фэар. – Ты так ничего и не понял?!

Он рванул на себе рубашку и, рывком, обнажил левую сторону груди. Там, пониже соска, алел тонкий заживший шрам.

– У тебя есть такой же, – хрипло прорычал эльф. – Верно?

Оцепеневший дракон попятился.

– Нет... – выдавил он, чувствуя, как останавливается сердце. – Нет...

– Гномов топили, – свирепо сказал Фэар. – Заливали их шахты. У гномов

шрамов нет. Нас травили ядовитым дымом, стаскивали в ямы и добивали копьями, пока не перестанем шевелиться.

Ветер поскользнулся и больно упал на бок. У него потекла кровь из ноздрей.

– Нет... – шептал дракон. – Нет, не верю, не верю...

– Мы заселили излучину Элланы позже вас, поскольку вас истребили гораздо раньше, – жестко произнес Фэар. – Драконов очень легко добывать. Ваши птенцы обретают разум лишь со второй сменой чешуи.

– Хватит!!!

– Хватит? – эльф скрипнул зубами. – Трус! Ты всего лишь слушаешь рассказ, и уже не способен терпеть? А как бы ты жил, если б все ПОМНИЛ?!

Ветер в ужасе поднял глаза. Фэар отрывисто кивнул.

– Две сотни лет. Два века я просыпаюсь от криков!!! Криков моих детей, моей жены!!! Меня зарезали позже, когда с ними уже наигрались!

Дракон закрылся крыльями, не в силах видеть пылающие, обвиняющие глаза эльфа. Тот жестоко расхохотался.

– Ты мертв! Они пустили весь твой чешуйчатый род на светильное масло! Знаешь, как просто? Безобидные ящерки мирно посапывают во сне, а охотники ходят по пещере и спокойно, одного за другим... – он внезапно всхлипнул, – ...вот сюда... – Фэар вцепился ногтями себе в грудь, потекла кровь.

– ХВАТИТ!!! – проревел Ветер, царапая камни. – Сжался!!! Сжался!!!

– Я ненавижу вас всех! – крикнул эльф. – Ненавижу! Ненавижу! Почему только мы должны помнить?! Почему только над нами никто не сжалился?!

Он рывком отвернулся, дрожа от волнения и гнева. Целую вечность на утесе царила тишина, лишь далекие раскаты грома, изредка, сотрясали небосвод.

– Если хоть один из нас отправится к Внутреннему морю, – произнес, наконец, Фэар мертвым голосом, – Если ОНИ догадаются, как сюда проникнуть...

Ветер судорожно ударил всеми лапами по камням, взвившись, подобно черной комете:

– Никогда!!!

– Ты не первый, кто это кричит, – безжалостно ответил эльф.

Дракон упал на колени.

– Помоги, – взмолился он. – Помоги! Ты ненавидишь меня за то, что я не знал правды, но теперь я знаю! Помоги, пожалуйста! У меня... Есть любимая... – Ветер зажмурился. – Если с ней что– то случится... Сжался, умоляю, пожалей не меня, других! Они не виноваты! Сжался!

– Любимая... – прошептал Фэар. Закрыв лицо ладонями, он содрогнулся и опустил на корточки. – Боже... Боже, что я делаю...

Ветер вцепился когтями в скалу:

– Помоги!

– Уже поздно, – безжизненно отозвался эльф. – Ты никогда не вернешь своего друга и не отворишь неизбежное.

– Нет!!! Нет, так не может быть, я не верю! Должен быть способ! – дракон трепетал. – Должен быть путь!!!

Фэар молчал целую вечность.

– Этот путь ведет к смерти, – сказал он тихо.

– Я готов!!! – Ветер свирепо втянул воздух ноздрями. – Открой дорогу! Скажи, что делать!!!

Эльф поднял голову. Глубоко дыша, оглядел пасмурное небо, седой океан, уходившие в бесконечность плодородные берега. Далеко на севере, на фоне вспышек молний, виднелась крошечная точка – кто– то, крылатый, отчаянно спешил к утесу. Фэар несколько секунд за ним наблюдал.

– Отправляйся в Каменный Город и спроси Хеллену, – глухо произнес эльф. – Скажи, что день настал.

Дракон отпрянул:

– День настал?

– Мы всегда знали, что это случится, – сурово ответил Фэар. – Мы готовились с первого мига. Лети.

Отрывисто кивнув, дракон распахнул крылья и рванулся навстречу грозе. Эльф проводил его взглядом.

Спустя минуту, на утес шумно свалился опаленный, взъерошенный, смертельно уставший грифон. Рухнув на камни, Орнис беспомощно вскрикнул и протянул лапы вслед улетающему дракону:

– Подождите! Подождите!!!

Ветер не оглядывался.

Облако смога над Каменным Городом было заметно с огромного расстояния. По математически– прямым дорогам, с шипением и лязгом двигались паровые многоножки, их коренастые пассажиры вскакивали со скамеек и указывали на пролетавшего в высоте дракона. Наиболее густые облака дыма и пыли окружали каменоломни, где десятки рабочих, в нелепых паровых экзоскелетах, долбили породу и, ковшами, грузили ее в вагонетки. От тысяч всевозможных запахов воздух казался густым.

Прежде Ветер лишь один раз посещал город гномов – когда «эксперименты» изобретателя по имени Сорен едва не лишили зрения Галю. В тот раз, взбешенный дракон отнес незадачливого гнома сородичам и получил клятвенное заверение, что подобного не повторится даже за тысячу лет. История заметно испортила отношения крылатого и подгорного народов.

Напряжение ослабло лишь много месяцев спустя, когда Галя совершенно оправилась, а из Каменного Города в знак примирения доставили целый набор телескопов и других приборов, заявив, что это подарок для пострадавшей драконы. Галя пришла в восторг...

Ветер свирепо клацнул зубами. Хлопая крыльями, дракон с разгона приземлился на одной из самых больших площадей, вызвав среди гномов переполох.

– Хеллена! – проревел он во всю силу легких, расправив крылья и встопорщив гребень, – Мне нужна Хеллена!!!

К громадному гостю рискнули приблизиться не сразу – гномы переговаривались, толкали друг друга локтями. Наконец, на площади появилось несколько длиннобородых старейшин с ажурными посохами белого металла. Ветер подбежал к ним вплотную:

– Хеллена! Мне срочно нужна Хеллена!

– Доброго неба, – степенно кивнул самый бородатый гном. – Кто ты?

– Я Ветер, старший в стае. Я должен видеть Хеллену, это очень важно!

Гном огладил роскошную седую бороду. Как и у прочих старейшин, металлической была даже его одежда: сплетенные из тончайшей стальной проволоки комбинезон, куртка и плащ. «Менее бородатые» горожане носили, в основном, одеяния из базальтовых волокон; гораздо более легкие и практичные, зато не блестящие.

– Давненько к нам не обращались с такой просьбой... – гном стукнул посохом о мостовую. – Халдором Старым я зовусь, а прежде звался Халдором Быстрым, – он усмехнулся в бороду. – Что ж, идем, крылатый вестник...

Толпа расступилась. Старейшины, а за ними и дракон, покинули площадь по одной из бесчисленных, совершенно прямых улочек. Халдор привел Ветра в небольшую аккуратную беседку из крашенных листов жести, на которых, в качестве узора, был отштампован орнамент «чередующиеся шурупы».

– Пригласил бы за стол, да... сам понимаешь! – хохотнул гном, смерив взглядом габариты дракона. Ветер молча уселся у стены и обернул хвостом лапы, но Халдор криво усмехнулся.

– Я бы на твоём месте за что–нибудь уцепился... – он задвинул неожиданно толстую дверь, повернул незаметный рычаг у пола. Вся беседка с ужасным скрежетом сильно дернулась и провалилась куда–то вниз.

Ветер вцепился в поручни, выдвинувшиеся из стен. Лифт падал с огромной скоростью, внутри наступила невесомость. Гномы, привычные к таким путешествиям, стояли спокойно – их посохи и подошвы сапог обладали магнитными свойствами, а вот дракон беспомощно взмахивал крыльями.

К счастью, спуск завершился столь же неожиданно, как начался: перегрузка больно швырнула Ветра на пол. С трудом поднявшись, он удивленно моргнул; под потолком кабины лифта зажглись не привычные всем эфирные диски, а непонятные белые стеклянные трубки. Их свет выглядел холодным и мертвым.

– Добро пожаловать, – со странным выражением произнес Халдор. Другой гном отодвинул дверь, в кабину ворвалось облако влажного тумана. Следом за

старейшинами, дракон выбрался из лифта.

Он стоял на дне колоссальной пещеры, заполненной бесчисленными машинами всех размеров и форм. Пахло озоном, горячим маслом и сталью. Грот был настолько велик, что тысячи белых световых трубок, устлавших его свод, сливались в единое полотно, посылая к далекому дну рассеянный, очень похожий на лунный, пепельный свет.

– Следуй за нами, – распорядился Халдор и, не дожидаясь ответа, зашагал по клепанной металлической дорожке без поручней. Для гнома она была широка, но дракону приходилось балансировать, словно на бревне. Железо прогибалось под его тяжелыми лапами.

Шли довольно долго, огибая гигантские турбины и жужжащие генераторы. Изредка попадавшиеся навстречу гномы– техники носили сверкающие белые одеяния и шлемы с прозрачными забралами, закрывавшими все лицо. Появление дракона всякий раз вызывало легкую панику.

Когда прогулка, наконец завершилась, Ветер невольно вздрогнул: дорожка уперлась в абсолютно черный, матовый полусферический купол с граненной поверхностью. Халдор некоторое время копошился у экрана, светившегося на стене, затем подозвал другого старейшину, и они синхронно повернули два рычага по разные стороны от ворот. Чтобы пройти в открывшийся высокий проем, дракону даже не пришлось наклонять головы.

Внутри царил полумрак, свет давали лишь несколько пурпурных трубок на стенах. В их багровом свете, гномы уже не казались нелепыми коротышками. Халдор опустил рычаг у дверей, подождал пока те закроются и крутанул герметизирующий штурвал. Лишь затем он, наконец, бросил взгляд на крылатого гостя.

– Говори, дракон.

Ветер сглотнул.

– Я должен видеть Хеллену...

– «Хеллена» это пароль, – сухо отозвался гном. – Он означает, тебя прислал кто– то из братства Опережающего Клинка. Что он просил передать?

Дракон на миг помедлил, но причин не доверять гному быть не могло.

– День настал, – тихо произнес Ветер.

Халдор не вздрогнул, лишь тяжело вздохнул.

– Ну вот... – он бросил мрачный взгляд на других старейшин. – Не прошло и пяти лет.

Дракон судорожно дернулся, однако промолчал и лишь глаза его засверкали недобрый огнем. Гномы ничего не заметили.

– Фэар говорил, вы мне поможете, – напряженно произнес Ветер.

– Поможем, поможем... – буркнул другой старейшина. – Мы всегда помогаем.

Халдор тем временем расчехлял массивный аппарат, напомилавший два продетых друг в друга гигантских кольца.

– Ну, чего стали? – огрызнулся он внезапно. – Беритесь за контуры.

Старейшины, встрепенувшись, неохотно подключились к работе. Совместными усилиями кольца развернули перпендикулярно друг другу, отмотали от каждого по несколько толстых кабелей и привинтили их к розеткам в полу. Халдор притащил большую канистру и принялся прыскать вонючим маслом на каждый шарнир. Дракон молча наблюдал.

– Что вы делаете? – спросил он, когда гномы начали, один за другим, поворачивать огромные рубильники в стенах. С каждым включенным контуром, атмосфера в куполе все сильнее пропитывалась электричеством, Ветер уже ощущал знакомое покалывание между чешуйками – так бывает при грозном танце, когда драконы поют, паря среди молний.

– Помогаем, – буркнул Халдор. – Не мешай.

Гномы продолжали свою работу, пока, наконец, последний рубильник не был включен. В тот же миг дракон вскрикнул и заслонил глаза – пространство меж кольцами засияло слепящей оранжевой звездой.

Плазменный шар быстро потемнел, стал прозрачным, и Ветер явственно ощутил, как вдоль спины встает дыбом каждая чешуйка. Меж кольцами таинственной машины висел кусочек неба.

Вернее, не кусочек, а все небо целиком, в ужасе понял дракон – растянутое, словно сквозь рыбий глаз, изображение целого мира. В зените мерцала крохотная точка, очевидно Солнце, примерно до «экватора» простиралось голубое небо с дико мечущимися спиралями туч, а ниже – тянулась искаженная проекция земли.

Очертания континентов и островов узнать было трудно, но без сомнения, Ветер смотрел на родной мир. Сразу на весь.

– Впечатляет, да? – хмуро спросил гном. – Не бойся, хвостатый: аппарат сам сделает все, что нужно. Закончится быстрее, чем ты успеешь сказать «синхрофазотрон синхрофазатронно синхрофазатронит».

Потрясенный дракон напряг всю волю, чтобы отвести взгляд от гипнотического ландшафта.

– Что закончится?

Гномы переглянулись. Один пожал плечами:

– А какой смысл скрывать? Пусть знает.

– Нервничать будет...

– Уже неважно.

Халдор угрюмо кивнул.

– В общем, – он взглянул на дракона, – Эта штуковина зовется плазмАтор. Она настроена на периметр вокруг внутреннего моря, – гном неопределенно покрутил пальцем, указывая приблизительно на центр проекции. Дернул себя за бороду.

– Когда члены братства сообщают, что кто– то сунулся за горы, мы включаем плазматор. Он проверяет целостность периметра и самостоятельно восстанавливает прорыв. Неважно, как давно в прошлом это случилось, аппарат отслеживает весь период от своего первого включения то текущей секунды, – тяжело сказал Халдор. – Поэтому все, кто сейчас под куполом – то есть и я, и ты – мы исчезнем, едва покинем поле плазматора. Коли прорыв случился два дня назад, мы вернемся на два дня в прошлое и продолжим жить так, словно никакого прорыва не было. Мы бы даже не узнали, что плазматор включался, если б у машины не имелся счетчик запусков.

Он кивнул на зеленый экран, мерцавший у стены.

– Время от времени, старейшины проверяют записи. Иногда появляются новые... – гном вздохнул. – Мы не знаем, почему включали плазматор и что он исправил. Мы забываем это, как только машина выключается. То же самое произойдет и сейчас. Аппарат вычеркнет из истории прорыв периметра, ты продолжишь свое драконье существование на берегу моря, никогда не встретишь нас, а мы не спустимся в подземелье и не включим машину... – Халдор развел руками. –

От этой реальности сохранится лишь запись в экране.

Ветер недоверчиво приспустил крылья.

– Но... Как вы узнаете, что опасность миновала?!

– Не миновала, – сурово отозвался другой старейшина. – Аппарат делает так, что опасности попросту не было. Совсем.

– Если б не плазматор, нас выследили бы и добили века назад, – сквозь зубы процедил Халдор.

Дракон отпрянул. Его разум лихорадочно работал.

– Вы не знаете, как он действует, правда? – Ветер широко раскрыл глаза. – Не вы построили эту машину! Да?!

Гномы молчали. Взволнованный дракон подошел к аппарату.

– Здесь все моих габаритов... – прошептал он, дрожа. – Даже кнопки...

– Не приближайся, – предупредил Халдор. – Мы однажды пытались сунуть палку в опорное поле. Она истлела прямо на глазах, обратилась в прах.

Ветер рывком обернулся:

– Зачем? – спросил он быстро. – Зачем вы пытались?! Что там, меж кольцами?!

– Там зона неподвижного времени, – сурово сказал Халдор. – Аппарат комкает в точку все годы, прошедшие с момента его создания, а это почти три века. Все, что попадает внутрь, старится на триста лет за каждую секунду, проведенную в поле!

Дракон тяжело дышал.

– Но за эти секунды, можно попасть в любой год, исправить любую ошибку. Верно?!

– Нет, – жестко ответил гном. – Итогом такого исправления явится новое будущее – в котором тот, кто пытался все изменить, никогда не подходил к аппарату, а значит, не мог и вмешаться.

– А если его вмешательство уже часть нашего будущего? – глухо спросил Ветер. – Если мы, сейчас, живем лишь потому, что кто– то вмешался?!

Халдор развел руками.

– Нам никогда этого не узнать, дракон.

Ветер молчал целую вечность.

– Прощайте, – сказал он, наконец, опустив голову. – И спасибо за все.

Гномы переглянулись.

– Ты просто рухнешь на пол горсткой праха, – тихо сказал старейшина. – За время, пока твое тело будет погружаться в опорное поле, оно состарится на тысячу лет!

– Кто хочет жить вечно... – тяжело отозвался Ветер, сложил на спине крылья и, не колеблясь, метнул себя в плазму.

Глава 5

– Подождите!!! – в отчаянии крикнул грифон, протянув лапы к улетающему дракону. – Не делайте этого!!!

Ветер не оглядывался. Потрясенный, измученный Орнис закрыл лицо крылом.

– Опоздал... – простонал он. – Опоздал!

– Ты и не мог успеть, – сурово ответил эльф.

Грифон рывком обернулся:

– Почему вы его не остановили?!!! Вы же знали!!! Знали, что будет!!!

– Конечно, знал, – тяжело произнес Фэар. – Это помнят все в нашем племени.

– И вы отправили его... – Орнис задохнулся. – Отправили...

Эльф покачал головой.

– Его не остановил бы никто. Дракон сделал свой выбор. Кто ты, чтобы судить? – сурово спросил Фэар. – Ты осознаешь, что сегодня дышишь этим морозным воздухом лишь благодаря его жертве?

– Я даже не подозревал! – в ужасе прошептал пернатый. – Пока он не подхватил меня в воздухе над горами. Он весь дымился, от ран даже цвет не был виден, но я мгновенно его узнал... Два месяца жил с ним крылом к крылу, и даже не подозревал! Как я мог не догадаться?!! Как?! Как?!

– А как ты вообще про него узнал? – мрачно спросил Фэар. – Только эльфы прокляты памятью. Только мы помним дракона, вернувшего к жизни все народы

гибнущего мира. Мы были мертвы. Мы все, даже я! – он невольно положил руку на шрам. – Ветер изменил наши судьбы, но тот, кто однажды умирал, этого уже не забудет...

– Почему я не догадался?! – шептал грифон, – Почему, почему?!

– Потому, что когда он появился из ниоткуда, когда вывел нас в этот мир, окровавленных, полумертвых, мы сами просили лишить нас памяти, – жестко ответил эльф. – Он исполнил просьбу, и лишь с моим народом потерпел неудачу. С тех пор, мы живем в свете солнца, а ночами просыпаемся в поту, помня, как однажды были мертвы!

Грифон вцепился когтями в скалу.

– Я изучал свитки... – простонал он с мукой. – Древние свитки... Первые годы в новом мире... Я боготворил его, мечтал изваять ему памятник, и не узнал, не узнал, как я мог не узнать?! Почему вы его отпустили?! Почему?! Вы же могли предупредить... Объяснить, что...

– НЕ МОГ!!! – проревел эльф, в диком бешенстве схватив Орниса за горло. – НЕ МОГ!!! И никто не мог!!! Мы сами взрастили его, сами обучили любить свободу больше собственной шкуры, и сами же отправили на смерть – ради НАШИХ шкур! Понимаешь, птица?! Мы взрастили его на убой!!! И никто, никто, никто за три сотни лет не посмел ему рассказать!

Фэар упал на колени, выпустив задыхавшегося грифона.

– И я не посмел, – прошептал он, глотая слезы. – Не посмел. Не посмел...

Это было, словно в каждую клетку могучего драконьего тела продели ржавый крюк и стали растягивать. Ветер не мог даже кричать, не мог биться, он ничего не видел и не ощущал – кроме боли. Строго говоря, как для объекта в поле сжатого времени, пытка должна была длиться сотни лет; но, к счастью, сознание не могло функционировать с такой скоростью и моментально отключилось, иначе дракон лишился бы разума.

Для него все «закончилось» моментально; опаленное дымящееся тело

швырнуло из плазменной воронки на землю, швырнуло с такой силой, что Ветер едва не сломал крылья. Задыхаясь, кашляя, он приподнялся на локте, от боли в суставах кружилась голова.

Пейзаж вокруг напоминал горячечный бред. Застывшая равнина, неподвижный лес. От каждого дерева, каждой травинки, в небо неторопливо взлетали их едва различимые призрачные копии – непрерывный поток образов, кадр за кадром, миг за мигом.

Любой движущийся объект оставлял за собой след «застывших» фаз движения – потрясенный дракон различил и свои собственные, вот здесь он выпал из воронки, вот он падает, корчась от судорог, вот врезается в землю... «Стоп– кадры» постепенно затягивались в парившую на месте Солнца, колоссальную фиолетовую дыру. И не только образы – воронка всасывала и корежила само пространство, было хорошо заметно, как горизонт вдаль загибается к ней полумесяцем.

Задыхаясь от непонятной сердечной боли, дракон попытался встать на ноги. Хоть и с трудом, но тело подчинилось, оно казалось одеревеневшим и чужим. Ветер оглядел себя, стиснул зубы. Потускневшая, кое– где уже отслоившаяся чешуя покрывала костлявого, съежившегося от возраста ящера. На вид, этому дракону было не менее нескольких тысячелетий.

Скрипнув зубами, Ветер распахнул изрядно потрепанные крылья и взмыл в небо. Тут же заметил, что приближение к воронке даже на метр заметно ускоряет «поток образов» – очевидно, время в этом безумном измерении текло нелинейно. Что ж, тем лучше – можно «перескакивать» ненужные годы...

Местность он узнал сразу, город гномов. Только никакого города здесь уже не было. Или «еще»? Ветер судорожно огляделся. Куда лететь, в какое он попал время? Ответ пришел сам: очевидно, в миг запуска аппарата. Триста лет назад. Чем ближе к воронке, тем быстрее будет идти «скомканное» время, а воронка – расти по мере уменьшения отрезка между текущей точкой и реальностью. Наконец, когда внутренние часы сравниваются с внешними, фиолетовая дыра поглотит «этот» мир и дракон вернется в реальность... Если перенесет еще один цикл сжатого старения.

Что ж, надо действовать! Морщась от боли в суставах, Ветер снизился почти до земли, чтобы не тратить зря «ускоренные» годы, и помчался на север.

Запретный хребет за минувшие минус три века ничуть не изменился. Дракон задыхался, его изношенное тело больше не выдерживало нагрузок, но сила воли помогала ослабленным мышцам. Напрягая крылья, Ветер одолел перевал и, впервые в жизни, взглянул на Внутреннее Море.

Он не сразу осознал, что именно видит. Когда зрелище, наконец, пробилось в трепещущий разум, дракон мучительно закричал и рухнул к земле. Упал в траву, накрылся крыльями. Шок был слишком силен.

Никакого внутреннего моря не существовало. По периметру Запретного Хребта, само пространство было собрано в горсть, и в тот миг, когда Ветер пересек «линию сгиба» – мир за его спиной скомкался, а мир перед глазами раскрылся, как в вогнутой линзе. Отсюда, если обернуться, любому показалось бы, что родной мир дракона – всего лишь круглая долина, окруженная горами, с небольшим озером в центре.

А то, что он всю жизнь называл Внутренним Морем, распахнулось во всю ширь, как детская книжка– домик, и превратилось в безбрежный океан. В точную копию его родины.

Только здесь, к северу от Запретной Грани – родину у драконов, грифонов, гномов и эльфов, фей и единорогов отобрали. Даже с большого расстояния, отделявшего горы от берега, зоркие глаза Ветра различали пылающие логова его материнской стаи. Там, на берегу, шел бой – непонятные существа, похожие на тараканов, стреляли по драконам из арбалетов и баллист, добивали раненных, крушили их ажурные гнезда. Закованные в цепи кентавры, стонущие под бичами погонщиков, стаскивали свежие трупы к повозкам, где охотники, ловко орудуя выломанными заживо единорожьими рогами, вспарывали разноцветную чешую. Истребление уже завершалось.

И внезапно Ветер совершенно отчетливо, с бесконечной ясностью понял, что означает слово «выбор». Только сейчас он осознал, что сделал свой выбор давным–давно – в этот самый день, триста лет назад. Он ничего не помнил о гибели своей стаи, поскольку был тогда едва вылупившимся птенцом, которого небрежно пригвоздили к земле и оставили истекать кровью. Но ему и не требовалось помнить.

Помнило сердце.

Дракон в бешенстве рявкнул, ударил искрящими крыльями:
 – Я лечу, мама! – крикнул Ветер, набирая скорость. – Я лечу!

Эпилог

ПОЧЕМУ ВСЕ НЕ ТАК?
 ВРОДЕ, ВСЕ КАК ВСЕГДА.
 ТО ЖЕ НЕБО,
 ОПЯТЬ ГОЛУБОЕ.
 ТО ЖЕ ЛЕС, ТОТ ЖЕ ВОЗДУХ –
 И ТА ЖЕ ВОДА.
 ТОЛЬКО ОН
 НЕ ВЕРНУЛСЯ ИЗ БОЯ...

(В. ВЫСОЦКИЙ)

– И долго ты будешь молчать? – резко спросила Галя, нависнув над ложем. Молодой черный дракон в углу комнаты с горечью прищурил глаза; подруга могла бы обмануть кого угодно, но он слишком хорошо видел, как она нервничает. Кончик Галиного хвоста подергивался из стороны в сторону, бока часто– часто вздымались.

Ветер не двигался. Его единственный уцелевший глаз смотрел прямо сквозь потолок, в почти забытое родное небо, где не вращалась ужасная, еженощно являвшаяся ему в кошмарах воронка. Неужели это не сон? Неужели он вернулся домой?

– Ты должен бороться, – слегка дрогнувшим голосом приказала Галя. – Слышишь? Не смей сдаваться. Не смей! – она всхлипнула, но быстро взяла себя в крылья и, упрямо, прижала гребень. – Вот, я принесла целебной травы...

«Не плачь, милая...» – мысленно попросил Ветер. – «Ты только не плачь...»

Он не мог улыбнуться, поскольку Галя мгновенно бы его узнала. Десятки

тысяч лет сжатого времени исковеркали его тело, но Ветер ни о чем не сожалел. Жизнь ему выпала непростая, исполненная страдания, но и любви. А главное – он защитил друзей. Все остальное не имеет значения,

Хоронили его всем миром, на островке в устье полноводной Эллану. Галю уговаривали остаться дома, но она прилетела и, молча, стояла рядом с друзьями, пока изуродованное тело Ветра опускали в большую неглубокую яму; юная Ирли, с яркими испуганными глазками, где-то вычитала, что драконов надо хоронить с расправленными крыльями.

Засыпали свежей землей, разровняли, взрыхлили когтями. Потом каждый, по очереди, посадил на могиле саженец – кто какой выбрал. Галя, упрямо сдерживая слезы, принесла клен.

До вечера драконы оставались на островке, хотя разговаривать никого не тянуло. Все угрюмо ждали заката. С последними лучами солнца, шестнадцать крылатых синхронно прыгнули в небо и, кружа над лесом, запели прощальную песню, которую – к общему удивлению – каждый из них откуда-то знал. На этом печальный день завершился.

Той ночью никто не рассказывал байки у костра, не танцевал в лучах зимней луны. На островке царил мертвая тишина. Землю припорошило инеем, с безоблачного неба на могилу смотрели звезды. В самый глухой час, незадолго до рассвета, пространство внезапно раскрылось тонкой вертикальной линией света, и на мерзлую траву ступил могучий черный дракон.

Он долго, неподвижно стоял у могилы. Медленно опустился на колени. Луна отражалась в сверкающих крыльях, когда Кармин бережно вкопал у изголовья одинокую черную розу.

– Я четыре века конструировал машину, убившую тебя, – негромко сказал дракон. – И пять лет наблюдал издали, как ты движешься к смерти.

Он опустил веки. Несмотря на внешнюю невозмутимость, сердце огромного дракона судорожно колотилось.

– Ты сделал достойный выбор, – прошептал Кармин. – Светлое небо, как же я тебе завидую...

Он склонился к могиле и нежно, с бесконечной любовью поцеловал сырую

землю.

– Прощай, Ветерок, – дракон встал. – Не поминай лихом... – вертикальная линия полыхнула в последний раз. Небо за горизонтом, неумолимо, окрашивалось бесконечно– жаркой рассветной синевой.

Конец